

одна наука, — пишет Руссо в «Эмиле», — которую нужно преподавать детям. Это наука об обязанности человека». «Жить — вот ремесло, которому я хочу его (Эмиля, — Ф. К.) обучить ... он не будет ни судьей, ни солдатом, ни священником, он будет прежде всего человеком».¹³

В «Эмиле» очень много рассуждений о том, каким должен быть преподаватель-воспитатель. «Воспитатель! О какая возвышенная душа!.. поистине, чтобы сделать человека, надо быть самому отцом или более, чем человеком».¹⁴

Первое условие, которому должен удовлетворить воспитатель по Руссо, — «это не быть продажным человеком». «Есть ремесла, настолько благородные, что нельзя выполнять их за деньги ... таково ремесло наставника».¹⁵ Воспитатель N следует прямо противоположному принципу. «Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои *выгоды*... Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долготелную службу» (VII, 173).

Очень остро ставятся в «Эмиле» моральные проблемы. Руссо предлагает целый моральный кодекс для своего воспитанника. В герое «Моей исповеди» полное отсутствие моральных принципов. Наконец, в высшей степени целомудренному роману Эмиля противопоставлена отвратительная шутовская история влюбленностей (и не менее гадкая теория на этот счет).

Таким образом, даже беглое сопоставление этих очень разных произведений показывает, что нет никаких оснований видеть в «Моей исповеди» выпады против воспитательной системы Руссо.

Вряд ли можно согласиться вообще с мыслью о том, что повесть Карамзина направлена против идеи врожденной доброты и внутренней значительности человеческой личности. Напротив, ставя очень остро в «Вестнике Европы» и, в частности, в «Моей исповеди» проблемы воспитания, Карамзин оставался на почве просветительской веры в человека.

В «Моей исповеди» Карамзин поставил и некоторые специально-литературные проблемы. Так, самое начало повести явно направлено против крайнего субъективизма в творчестве. «Ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе, ныне всякой сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: *Мои опыты, Тайный журнал моего сердца!*» (VII, 171—172). Карамзину и раньше, например в «Московском журнале», было свойственно осуждение крайно-

¹³ Там же, стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 25.

¹⁵ Там же.